

Введенский А. И. Дальневосточная война с философской точки зрения в связи с вопросом о войне вообще: [Чтение студентам 1-го курса] // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 11. С. 446—472 (2-я пагин.). (Начало.)

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА СЪ ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ВОЙНѢ ВООБЩЕ ¹⁾.

Гаагская Конференція и „толстоизмъ“.

Хотя собственный предметъ моихъ настоящихъ размышленій есть война Дальне-Восточная, однако, по соображеніямъ, которыя, надѣюсь, будутъ признаны основательными, я долженъ войти въ предварительное философское обсужденіе вопроса о войнѣ вообще.

И, во-первыхъ, совершенно очевидно, что нашъ специальный вопросъ, при всей его жгучей остротѣ для насъ, въ переживаемое нами тревожное время, съ отвлеченно-философской точки зрѣнія, есть лишь часть болѣе общаго вопроса и во многомъ уже предрѣшается рѣшеніемъ этого послѣдняго. Во-вторыхъ, общій вопросъ о войнѣ, какъ извѣстно, стоитъ въ нашемъ общественномъ сознаніи въ чрезвычайно смутной формѣ, причемъ,—и это особенно печально,—взгляды наиболѣе парадоксальные и, можно сказать, прямо-таки утопичные обыкновенно претендуютъ у насъ на особенную глубину и значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ лишь теперь, когда изъ области отдаленныхъ возможностей война вдругъ придвинулась къ намъ и сдѣлалась печальною необходимостію,—развѣ лишь теперь началъ нѣсколько просвѣтляться у насъ тотъ хаосъ

¹⁾ Чтеніе, предложенное (съ сокращеніями) въ текущемъ (1904⁵) учебномъ году студентамъ перваго курса предъ началомъ лекцій по Метафизикѣ и Логикѣ.

смутныхъ сужденій о ней, который былъ и остается, между другими умственными вѣяніями послѣднихъ десятилѣтій, столь для нихъ характернымъ. Лишь теперь, то-есть разсматривая наше недавнее отношеніе къ вопросу о войнѣ ретроспективно, наше общество начинаетъ, повидимому, различать,—что оно уже давно должно было бы сдѣлать со всею рѣшительностью,—тѣ два, глубоко и принципиально расходящіяся, теченія мысли, по вопросу о войнѣ, изъ которыхъ одно ставитъ насъ въ надлежащую перспективу, пусть и отдаленныхъ, но за то реальныхъ и осуществимыхъ задачъ, тогда какъ другое заводитъ въ область утопій и кидаетъ надъ бездною, угрожающаго нашей національной самостоятельности, политическаго равнодушія и пассивнаго подчиненія злу.

Я говорю, конечно, о тѣхъ двухъ идейныхъ теченіяхъ, изъ которыхъ одно нашло свое конкретное выраженіе въ организованной, по мысли и почину нашего миролюбиваго Государя, Гаагской Международной Конференціи, а другое обозначилось въ формѣ такъ называемаго *толстоизма*,—причемъ мыслителя, именемъ котораго названо это движеніе, мы не должны, конечно, разсматривать, какъ единственнаго вождя мысли, идущей въ этомъ послѣднемъ направленіи, но лишь какъ одного изъ многихъ, пусть даже самого выдающагося между единомышленниками.

Во имя человѣчности, просвѣтленной и облагороженной христіанствомъ,—таковъ общій смыслъ благотѣльныхъ начинаній и конвенцій Гаагской Конференціи,—человѣчество должно стремиться ко всеобщему миру и это стремленіе не должно оставаться на ступени бесплодной, не имѣющей власти надъ живою историческою дѣйствительностію, мечты, но должно быть сознано, какъ *реальная задача*, сейчасъ и неотложно требующая, по крайней мѣрѣ, своего частичнаго осуществленія, именно чрезъ устраненіе ненужныхъ войнъ, особенно-же тѣхъ жестокостей и того варварства, которыми войны обыкновенно сопровождаются.

Во имя человѣчности, просвѣтленной и облагороженной христіанствомъ,—таковъ общій смыслъ толстоизма,—человѣчество должно стремиться ко всеобщему миру и это стремленіе не должно оставаться на ступени мечты, но должно проявиться реально въ немедленномъ отказѣ отъ войны

какъ безусловно-недолжнаго, какими бы настоятельными ни казались иногда практическіе и историческіе мотивы къ ней.

Ясно, что, хотя, въ своемъ исходномъ пунктѣ, обѣ эти формулы звучать согласно, однако ихъ конечные выводы расходятся до радикальной противоположности. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ представители перваго взгляда сознаютъ, что ни теперь ни въ будущемъ идеаль не можетъ быть сведенъ съ неба на землю, такъ какъ и среди такъ называемыхъ культурныхъ людей, не говоря уже о дикаряхъ, навсегда останутся люди съ братоубійственными звѣрскими чувствами, которые будутъ признавать единственную границу своего произвола виѣшнюю силу, — тогда какъ, въ виду всего этого, представители первой точки зрѣнія ограничиваютъ миролюбивыя стремленія лишь предѣлами возможнаго: представители второй точки зрѣнія ничего не хотятъ знать объ этихъ возможностяхъ и, съ прямолинейностію утопистовъ, требуютъ, чтобы миролюбивая часть чело-вѣчества *теперь же и неотложно* расковала мечи на орала, очень мало печалась при этомъ о томъ, что другая часть чело-вѣчества, не склонная ни къ миролюбію, ни къ этимъ утопіямъ, люди звѣринаго образа и грубо-свокорыстныхъ чувствъ превратятъ беззащитныхъ въ служебное для себя и своихъ низменныхъ интересовъ орудіе. Ясно, что здѣсь, въ этомъ послѣднемъ взглядѣ, предъ нами не только утопія и не только очевиднѣйшій софизмъ, обусловленный радикальнымъ отсутствіемъ у его защитниковъ чувства исторической перспективы и знанія чело-вѣческой природы, но и какое-то непостижимое равнодушіе къ грядущимъ судьбамъ чело-вѣчества, какой-то нравственный дальтонизмъ, прямо-таки патологія, хотя и прикрытая обманчивою мишурою псевдогуманности. Вѣдь пока, въ самомъ дѣлѣ природа чело-вѣческая останется такою же, какова она и есть,—а на ея радикальное перерожденіе, при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи, надежды мало, такъ мало, что одинъ остроумный мыслитель написалъ даже цѣлую книгу, въ которой разсматриваетъ прогрессъ, какъ *эволюцію жестокости* ¹⁾,—итакъ, пока

¹⁾ Книга—г. М. А. Энгельгардта—такъ и озаглавлена: „Прогрессъ, какъ эволюція жестокости“ (С.-Пб. 1899 г., стр. 209). Заглавіе парадоксальное,

природа человѣческая остается тою-же, въ человѣчествѣ останутся и, вѣроятно, будутъ даже по преимуществу активными, тѣ элементы, которыми всегда питалась кровавая и человѣкоубійственная софистика: „вы, если вамъ нравится, перековывайте мечи на орала, а мы пожжемъ плоды вашей наивности“.

О, нѣтъ и нѣтъ! Пусть война есть зло,—хотя, какъ мы увидимъ ниже, она есть лишь зло относительное, скорѣе благодѣтельный симптомъ болѣзни народовъ и человѣчества, чѣмъ самая болѣзнь,—итакъ, пусть война есть относительное зло. Но категорическое и безусловное требованіе немедленнаго упраздненія этого зла, по самому существу задачи, неизбѣжно связано съ рискомъ и даже прямою опасностью навлечь на народы и человѣчество, искренно послѣдовавшіе призыву къ разоруженію, зло большее. Во всякомъ случаѣ, совершенно очевидно, что, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, когда одни изъ обитателей земнаго шара *еще не поднялись* надъ ступенью дикости первобытной, а другіе уже *спустились* на ступень дикости культурной, лицо земли смотреть на насъ съ такою смущающею угрозою миру, что было бы въ высокой степени несвоевременно серьезно говорить о войнѣ, какъ подлежащей будто бы немедленному и полному упраздненію, и выступать съ проповѣдью всеобщаго разоруженія. И, насколько лежащая во мракѣ грядущаго историческія дали открыты человѣческому предвѣдѣнію, можно сказать, что и въ будущемъ эта проповѣдь еще надолго,—если только не на всегда,—останется столь-же несвоевременно: ибо препятствіе здѣсь, какъ говорятъ философы, трансцендентное, то-есть переступающее всякій пространственный предѣлъ и всякую грань времени. Правда, на европейскомъ материкѣ, и вообще у культурныхъ народовъ, страхъ предъ ужасами войны теперь настолько великъ, что нѣкоторымъ (этого взгляда держался, между прочимъ, и покойный Вл. С. Соловьевъ) война *между ними* кажется, уже по одному этому, надолго невозможною. Но за то тѣмъ грознѣе тучи, сгущающіяся надъ рубежомъ

но подъ нимъ авторъ остроумно сгруппировать весьма много поучительнѣйшихъ фактовъ, заставляющихъ очень и очень задуматься надъ мнимо-перерождающею и облагораживающею силою „прогресса и цивилизации“.

соприкосновения Запада съ Востокомъ. И первый актъ этой борьбы, съ ужасающимъ напряженіемъ развертывающійся на нашихъ глазахъ, носитъ такой характеръ, что благоприятная прогностика процесса, въ смыслѣ общечеловѣческаго умиротворенія, уже съ одной только историко-политической точки зрѣнія, является въ высокой степени сомнительною.

Отсюда, однако, не тотъ выводъ, будто, подъ давленіемъ исторической необходимости, мы должны заглушить въ себѣ высокія внушенія человѣчности и разъ и навсегда примириться съ войною, какъ неизбѣжнымъ зломъ, во всей ея ужасающей суровости,—о, нѣтъ, конечно!—но лишь тотъ, что непосредственныя внушенія чувства, хотя и возвышеннаго, но, по самой его природѣ, часто очень не дальнозоркаго, въ столь важномъ для жизни всего человѣчества, вопросѣ должны быть поставлены подъ контроль размышляющаго и взвѣшивающаго всѣ и всяческія возможности разсудка. И если гуманное чувство, требующее неотложнаго и всецѣлаго упраздненія войны, что бы придать своему требованію характеръ безусловности, привлекаетъ къ себѣ въ союзники, какъ это обычно у противниковъ войны, совѣсть и нравственный законъ, запрещающій безусловно, то-есть всегда и повсюду, при всякихъ условіяхъ, а значить и на войнѣ точно также, какъ во время мира, убивать другъ друга, — то вѣдь и разумъ, въ своемъ протестѣ противъ поспѣшныхъ внушеній чувства, съ своей стороны, можетъ, съ нѣкоторымъ правомъ, апеллировать также къ безусловности, ибо и онъ исходитъ, въ своемъ оправданіи войны и призывѣ къ примиренію съ нею, какъ *неизбѣжнымъ* зломъ, не изъ однихъ только чисто-историческихъ и, значить, имѣющихъ случайный и временный характеръ, указаній, но также и изъ соображеній обще-психологическаго или, общѣе, обще-антропологическаго характера: пока, говоритъ онъ, человѣкъ таковъ, каковъ онъ есть, злые элементы будутъ рваться въ немъ наружу, и не единично только, но и въ массахъ, а значить до тѣхъ поръ, то-есть, въ сущности, навсегда останется совершенно законнымъ, какъ необходимая при данныхъ условіяхъ мѣра, и внѣшнее ограниченіе этихъ проявленій, то-есть, въ концѣ концовъ, война.

Но не приводитъ-ли насъ намѣченная нами нить разсужденій къ безвыходной антиноміи? Въ самомъ дѣлѣ, если

воевать значить идти вопреки не только внушеніямъ гуманнаго чувства, но и безусловнымъ требованіямъ нравственнаго закона, а требовать неотложнаго разоруженія значить идти вопреки очевиднѣйшимъ соображеніямъ разума, — то, спрашивается, не попадаемъ-ли мы въ своемъ разсужденіи въ кругъ и гдѣ-же, въ концѣ концовъ, выходъ изъ этого круга?..

Выходъ здѣсь только одинъ: необходимо возвыситься надъ этической и исторической точками зрѣнія на вопросъ о войнѣ къ точкѣ зрѣнія универсальной или міровой, съ которой всякая этика получаетъ свою безусловность и всякая исторія свой конечный смыслъ. А это и значить разсмотрѣть вопросъ философски.

II.

Война, какъ всеобщій фактъ, міровой законъ и метафизическая необходимость.

Всякій разъ, когда тотъ или другой вопросъ переносится на рѣшеніе въ верховную инстанцію человѣческаго знанія, то-есть въ область философіи, невольно переживаешь состояніе той растерянности предъ множествомъ различныхъ философіи, которое Шиллеръ увѣковѣчилъ въ своемъ извѣстномъ двустишіи:

Ну, такъ, которая изъ философіи пребудеть?— Не знаю.

Но философія быть, думаю, вѣчно должна...

Итакъ, гдѣ же та, долженствующая „ пребыть вѣчно“, философія, съ точки зрѣнія которой мы должны освѣтить для себя нашъ спеціальный вопросъ о войнѣ?

Совершенно невозможно, конечно, выбравъ въ ряду исторически опредѣлившихся системъ философіи одну, сказать: „вотъ истинная и вѣчная философія“. Ибо и въ области философіи, какъ во всякой другой области, допустимо лишь приближеніе къ вѣчной истинѣ. Но за то вполне возможно поставить себя, путемъ историческаго изученія, въ линію вѣчныхъ, и въ этомъ смыслѣ истинныхъ, философскихъ притяженій. И это во всякій данный моментъ, такъ какъ въ области философіи, чтобы узнать истину, вовсе нѣтъ необходимости ожидать конца историко-философскаго процесса. Дѣло въ томъ, что, въ отличіе отъ

другихъ областей знанія, философія очень слабо привязана къ тому или другому моменту времени и, во всякомъ случаѣ, послѣднее слово здѣсь отнюдь не всегда есть въ тоже время и слово наиболѣе истинное. Самое важное здѣсь найти, такъ сказать, магистраль общечеловѣческой мысли, которая, какъ равнодѣйствующая всѣхъ усилий и приобретений передовыхъ умовъ, несетъ въ себѣ отвѣты наибольшаго углубленія и наибольшей широты, способные, именно по этому самому, наиболѣе удовлетворить разнообразнѣйшимъ запросамъ духа. Въ другихъ областяхъ знанія какое-нибудь новое „открытие“ часто совершенно снимаетъ и отмѣняетъ результатъ прежнихъ изысканій. Но въ области философіи такихъ „открытій“, строго говоря, нѣтъ и быть не можетъ: ибо всякое новое философское „открытие“,—если только о немъ вообще здѣсь можетъ быть рѣчь,—есть лишь расширение и углубленіе, большее приближеніе и болѣе энергичная постановка предъ философствующимъ сознаніемъ того, чтò, частично и штрихами общими, уже было въ немъ намѣчено. Вѣдь человѣчество,—не въ массѣ, конечно, но въ своихъ лучшихъ представителяхъ, то-есть наиболѣе типичныхъ, наиболѣе полно выражающихъ внушенія чело-вѣчности, общечеловѣческихъ идей и постулатовъ,—человѣчество всегда несетъ въ себѣ болѣе или менѣе ясное сознаніе „основныхъ началъ“ и коренныхъ законовъ мірового процесса, въ отношеніи къ которому историческій процессъ чело-вѣчества, со всею его цивилизаціею и культурою, является лишь частью, тѣсно связанною съ общимъ и вмѣстѣ съ нимъ направляемою къ единой верховной цѣли.

Такъ вообще въ философіи. Такъ, въ частности, и относительно нашего вопроса—о войнѣ.

Нижній, какъ бы басовый тонъ философіи войны составляетъ признаніе ея не только всеобщимъ *фактомъ* міровой жизни, но и ея всеобщимъ *закономъ*. „Война“,—сказала философія еще устами одного изъ первыхъ своихъ представителей (Гераклита),—„есть законъ и правда міра, царь и отецъ всего“. И этотъ афоризмъ, въ разнообразнѣйшихъ варіаціяхъ и преломленіяхъ, проходитъ съ той поры чрезъ всю исторію мысли, достигая и до нашего времени: мы узнаёмъ его, напри-м., въ слегка переодѣтой формѣ, въ одномъ изъ тезисовъ популярнѣйшей современной философіи—въ дар-

визизмѣ, согласно которому, какъ извѣстно, однимъ изъ основныхъ законовъ жизни служить „борьба за существованіе“. Здѣсь, какъ видимъ, война признается *необходимую* въ смыслѣ всеобщемъ и безусловномъ: „она есть законъ *всякой* жизни, а слѣдовательно и нашей человѣческой“.

Однако, какъ въ области звуковъ одинъ басовый тонъ еще не дѣлаетъ музыки, токъ и въ области мысли и, въ частности, въ области нашего вопроса это суровое указаніе на міровую законмѣрность войны, безъ дополнительныхъ идейныхъ моментовъ, еще не даетъ о ней исчерпывающаго понятія и не устанавливаетъ на нее надлежащей точки зрѣнія. Вотъ почему, чрезъ всю исторію мысли проходитъ стремленіе ограничить власть этого закона путемъ подчиненія его другому, высшему закону.

Надъ міромъ противоборства, вражды и раздора,—таковъ общій смыслъ этихъ ограниченій,—надъ печальною дѣйствительностію войны, какъ сказала опять таки уже и древняя философія, стоитъ иной міръ, міръ зиждительно организующей Любви и всѣмъ управляющаго Разума, міръ Идеала. И только лишь благодаря этому изъ проявленій взаимно-противоположнаго напряженія какъ бы объятыхъ борьбою элементовъ дѣйствительности возникаетъ гармонія міра, подобная гармоніи лука и лиры. Говоря иначе, война есть лишь законъ *нашей*, дольней или, какъ потомъ стали говорить, эмпирической дѣйствительности, но отнюдь не всей дѣйствительности вообще: въ своемъ исходномъ началѣ и въ своей конечной цѣли, все направляющей и все къ себѣ влекущей, міръ изъять изъ-подъ власти этого закона, благодаря чему война *вопреки своей природѣ* служитъ благимъ цѣлямъ совершенствованія.

Разсматривая міровую жизнь съ достигнутой нами точки зрѣнія, мы замѣчаемъ, какъ, дѣйствительно, суровые законы борьбы всего противъ всего идеально-зиждительными началами вводятся въ мѣру и обращаются на служеніе сохраненію и совершенствованію цѣлаго. На низшихъ ступеняхъ, гдѣ, впрочемъ, самое слово война и даже, въ смягченной и ослабленной формѣ, борьба имѣетъ пока лишь смыслъ метафорическій, такъ какъ система космическихъ тѣлъ и неорганизованныхъ массъ есть по преимуществу система консервативная,—итакъ, на низшихъ ступеняхъ бытія взаимно-

противоположное напряженіе и отталкиваніе сосуществующаго, эта, какъ говорятъ борьба стихій, уравнивается силою сдѣвленія и вводится въ закономѣрный строй системою физико-механическихъ и химическихъ законовъ. На слѣдующей ступени, въ мірѣ органическомъ и, частнѣе, въ царствѣ животныхъ, „борьба за существованіе“ уже перестаетъ быть метафорою и становится вполне реальнымъ факторомъ,—въ этомъ объемѣ и формѣ дарвинизмъ вполне можетъ быть принятъ даже и противниками теоріи постепеннаго преобразованія (трансформаци) видовъ,—становится факторомъ прогрессирующаго разнообразія и совершенствованія породъ и экземпляровъ животнаго (отчасти и растительнаго) царства. Далѣе, въ жизни человѣческой, въ исторіи племенъ, народовъ и всего человѣчества, какъ это превосходно разъяснено, вслѣдъ за Кантомъ, покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ въ его книгѣ *Оправданіе Добра* ¹⁾, „война была прямымъ средствомъ для внѣшняго и косвеннымъ средствомъ для внутренняго объединенія человѣчества“, такъ какъ каждое завоеваніе,—что яснѣе всего можно прослѣдить въ исторіи великихъ завоевательныхъ державъ или такъ называемыхъ „всѣмиръныхъ монархій“,—было „расширеніемъ того круга, внутри котораго война переставала быть нормальнымъ явленіемъ и становилась рѣдкою и предосудительною случайностію, преступнымъ междоусобіемъ“ (521), а полусознательное стремленіе „всѣмиръныхъ монархій“ дать миръ землѣ, покоривъ всѣ народы одной власти и всѣ, порожденныя имъ войны, которыми полна древняя исторія, лишь „расширяли область мира“, вслѣдствіе чего „звѣриныя царства язычества приготавлиали пути для возвѣщавшихъ царство Сына Человѣческаго“. Наконецъ, и въ царствѣ сверхчеловѣческомъ,—не томъ проблематичномъ сверхчеловѣческомъ царствѣ грядущаго, о которомъ мечталъ печальной памяти Наумбургскій философъ (Ницше), но въ царствѣ уже сущемъ, реальномъ и дѣйственнымъ, царствѣ благодати и славы, въ мірѣ ангельскомъ и Божественномъ,—итакъ, и въ этомъ царствѣ, если только мы захотимъ ученіемъ о немъ Откровенія дополнить догадки общечеловѣческаго идеализма, есть своего рода война, такъ

¹⁾ Стр. 520, по первому изданію.

называемая „брань духовная“. Вождь этого міра и Первоначальникъ нашей вѣры въ него, Который, какъ Богъ-Слово и въ космосѣ зиждительно направляетъ все враждебное и противоборствующее къ цѣлямъ сохраненія и совершенствованія, Самъ, Своимъ пришествіемъ на землю, Своими страданіями и смертью, такъ сказать, организовалъ всемірно-историческую войну человѣчества съ исконнымъ врагомъ добра, отцемъ лжи и всяческаго зла, діаволомъ. И вотъ почему христіанство не только не исключаетъ войну по существу, какъ у насъ говорили и писали въ послѣднія десятилѣтія, то-есть въ періодъ форсированнаго антимилитаризма, но „добраго воина“ ставитъ даже въ примѣръ епископамъ¹⁾. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ! Воинское званіе признается въ христіанствѣ не только не предосудительнымъ, но ставится даже въ примѣръ христіанамъ и притомъ наиболѣе отвѣтственнымъ, по характеру своего служенія въ церкви, то-есть епископамъ. Но конечно, все это относится лишь къ „добрымъ воинамъ“, то-есть къ такимъ, которые не пользуются своимъ оружіемъ для угнетенія и насилій, но употребляютъ его, по образу Архистратига воинствъ небесныхъ, на борьбу съ темными силами зла и исчадіями ада²⁾.

Здѣсь мы приходимъ къ пониманію психологическихъ основъ того *героизма*, который, будучи, въ болѣе или меньшей мѣрѣ, присущъ всякому отвѣтственному служенію, составляетъ отличительную черту служенія именно воинскаго и въ которомъ, въ концѣ концовъ, нужно искать его послѣдняго этического оправданія. Онъ коренится въ преданности высокому и идеальному и въ готовности пожертвовать, ради его утвержденія въ области низменнаго и пошлаго, даже цѣною жизни. На всѣхъ ступеняхъ бытія, кото-

¹⁾ 2-е Посланіе къ Тимошею, гл. II, ст. 1—5. „Итакъ, укрѣпляйся сынъ мой, въ благодати Христомъ Исусомъ, переноси страданія, какъ добрый воинъ Исуса Христа. Никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими,—чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увѣчивается, если незаконно будетъ подвизаться“.

²⁾ См. объ этомъ умную статью протоіерея Ст. О—ва въ журналѣ *Вѣра и Разумъ* за 1904 г., № 8, стр. 397 и слѣд.: „Добрый воинъ Исуса Христа“. Ср. также обстоятельное опроверженіе толстоизма, по вопросу о войнѣ, въ кн. проф. А. Θ. Гусева: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстаго“, изд. 2-е, Казань 1902 г., стр. 590 и слѣ

рыя мы прослѣдили выше, начиная отъ вегетативно-біологической и до сверхчеловѣческо-божественной или, точнѣе, богочеловѣческой, мы находимъ эту, характерную особенно именно для воина, черту: готовность жертвовать собою ради торжества началъ истинной жизни надъ началами ложными и силами жизневраждебными. Героизмъ увѣренный въ своей внутренней правдѣ, *оправданный, прежде всего, предъ самимъ собою*; долженъ основываться на вѣрѣ въ высокое значеніе и историческую миссію тѣхъ началъ, которымъ онъ служить. Пусть эти начала всеобщей, сверхнаціональной или, какъ говорятъ, общечеловѣческой природы. Но разъ мы увѣрены, что ихъ осуществленіе нерасторжимо-тѣсно связано съ существованіемъ и трудами той націи, къ которой мы принадлежимъ, тогда именно эта любовь къ общечеловѣческому зажигаетъ патріотическій героизмъ, ведущій людей на жертву собою, для спасенія своихъ. Народъ является, съ этой точки зрѣнія, лишь органомъ осуществленія Божественныхъ цѣлей въ исторіи, чрезъ что личный патріотическій героизмъ возвышается на ступень долга религіознаго. И только на почвѣ именно этого убѣжденія во всемірно-историческомъ значеніи и непреходящей цѣнности, какъ бы безсмертіи, идей и дѣлъ своего народа, возрастаетъ и крѣпнеть та беззавѣтная преданность лица цѣлямъ общаго, при которой для него не страшны уже никакія жертвы. Если всемірная исторія есть для человѣка или націи лишь комедія, въ которой „много шума изъ ничего“, если настоящее представляется ему песчаной и каменистою почвою, на которой было бы безуміемъ засѣвать какія-либо сѣмена для будущаго,—о тогда, конечно, благоразумнѣе побережь свою жизнь для себя, для наслажденія дешевыми благами жизни. Но несчастны тѣ племена и народы, общее сознаніе которыхъ отравлено такимъ скептическимъ эпикуреизмомъ: они теряютъ свою политическую, а вмѣстѣ съ нею и свою духовно-творческую самостоятельность обыкновенно гораздо раньше того момента, когда надъ ними вершится окончательный „судъ исторіи“.

Сведемъ теперь къ единству только что сдѣланныя нами соображенія и справки по вопросу о метафизическомъ оправданіи войны. Въ войнѣ есть, прежде всего, элементъ жертвы,—жертвы своею жизнью, ради торжества высшихъ началъ.

Этотъ элементъ, очевидно, не требуетъ никакого оправданія: ибо жертвовать собою волею всякій. Но спрашивается дальше: кому-же, въ сущности, нужны эти жертвы и кто ихъ требуетъ и принимаетъ? Ихъ требуетъ и принимаетъ то, ненасытное и вѣчно алчущее, царство зла, которое, какъ бы мы ни рѣшали вопросъ объ его источникѣ, есть несомнѣннѣйшій ингредиентъ наличнаго, эмпирическаго міроустройства: зло періодически какъ бы насыщается жертвами войны и, лишь подъ этимъ условіемъ, въ непосредственно слѣдующіе за войнами періоды предоставляетъ человѣчеству наслаждаться благами мира, при чемъ Высшее Начало и злое въ жизни направляетъ къ Своимъ цѣлямъ.

Здѣсь мы, очевидно, поднимаемся на такую точку зрѣнія, на которой обычныя категоріи нравственно дозволительнаго и недозволительнаго оказываются уже недостаточными и снимаются высшею категоріею—категоріею *сверхразсудочнаго* или, какъ принято говорить, *метафизически необходимаго*.

Все это будетъ для насъ яснѣе, если мы теперь въ нѣсколькихъ примѣрахъ, рассмотримъ, какъ относились къ вопросу о войнѣ выдающіеся философы.

III.

Историческая справка: „Рѣчи“ Фихте Старшаго къ нѣмцамъ воинамъ.

Есть въ исторіи философіи, и вмѣстѣ въ исторіи общественно-политической жизни Европы, фактъ чрезвычайной яркости и удивительнаго значенія. Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, знаменитѣйшій тогда философъ Германіи, Іоаннъ Готлибъ Фихте или, какъ его принято называть, Фихте Старшій неоднократно проситъ правительство назначить его въ армію въ качествѣ спеціальнаго оратора, такъ что бы онъ имѣлъ возможность, въ пламенныхъ и одушевленныхъ рѣчахъ, возбуждать воиновъ въ великой, предстоявшей имъ борьбѣ за національную независимость отъ Наполеоновской тиранніи. И когда ему въ этомъ отказываютъ, онъ задумываетъ рядъ спеціальныхъ лекцій къ нѣмецкимъ воинамъ,—лекцій, которыя, насколько можно судить по сохранившимся отрывкамъ изъ нихъ, написаны въ такомъ героическомъ стилѣ, что,

дѣйствительно,—какъ и хотѣлъ ораторъ,—въ нѣкоторыхъ моментахъ особеннаго подъема, остры, какъ лезвіе меча, и пронизываютъ духовную атмосферу, какъ молнія.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ! Мирный служитель самаго мирнаго изъ искусствъ, искусства мыслить, дотолѣ тихо и безшумно работавшій въ тиши своего кабинета и на каѳедрѣ надъ разрѣшеніемъ абстрактнѣйшихъ и, повидимому, отдаленнѣйшихъ отъ жизни вопросовъ о переходѣ идеи въ дѣяніе (That), вдругъ проникается, подъ гнетомъ мысли о грозящей его отечеству опасности, такимъ паѳосомъ воинствующаго патриотизма, что изумленные біографы готовы усвоить ему какъ бы двѣ души: „въ этомъ человѣкѣ“, — говорить о немъ Жанъ Поль,—„съ душою философа сочеталась душа воина“...

Однако, Фихте Старшій, — какъ и мы отчасти увидимъ дальше,—вовсе не составляетъ исключенія ни вообще, ни между великими, и правильнѣе, на нашъ взглядъ, было бы поэтому сказать о немъ такъ: „этотъ философъ мыслить такъ объемисто и живетъ, какъ и подобаешь истинному философу, столь согласно съ своими убѣжденіями, что въ его системѣ нашлось мѣсто и для войны, какъ законмѣрнаго члена міроваго процесса, а въ его личной жизни, не смотря на все отдаленіе ея отъ спеціально - воинскихъ занятій, оказались возможности фактически оправдать свое ученіе и доказать свои убѣжденія на дѣлѣ“.

Но познакомимся, съ его наброскомъ *Рѣчей къ нѣмцкимъ воинамъ* (предъ походомъ въ 1806 году).

„Авторъ настоящаго наброска“, — пишетъ, между прочимъ, здѣсь Фихте, — „смотреть на предстоящую войну такъ: ея долженъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, будетъ-ли и впредь существовать и возрастать, по законамъ человѣческаго развитія, то, что человѣчество пріобрѣтало изначала, путемъ тысячекратныхъ жертвъ, въ области порядка и удобствъ, нравственности, искусства и науки, въ радостномъ возвышеніи очей къ небу,—или все то, что воспѣвали поэты, надъ чѣмъ задумывались мудрецы и что осуществляли герои, все это должно погрузиться въ бездонную пропасть произвола, который рѣшительно не знаетъ, чего онъ хочетъ, исключая развѣ того, что онъ хочетъ быть неограниченнымъ и желѣзнымъ, не допускающимъ преградъ и возраженій?“

„Предстоящая намъ великая задача“,—продолжаетъ ораторъ, — „можетъ быть побѣдоносно разрѣшена, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если всѣ, отъ высшаго и до низшаго, будутъ желать того, чего они желаютъ, съ тою-же самою желѣзною силою, съ какою врагъ желаетъ своего, если будутъ желать только этого и ничего другаго, и на войнѣ не будутъ помышлять о мирѣ; если, говоря кратко, нашимъ девизомъ будетъ,—не такъ, какъ было прежде, побѣдить или умереть, ибо смерть придетъ къ намъ и безъ нашего желанія и тотъ, кто хочетъ дѣйствовать, вовсе не долженъ ея желать,—но просто побѣдить.

„Авторъ настоящаго наброска“,—говоритъ Фихте далѣе, переходя отъ общаго къ частному, къ себѣ самому и своему личному настроенію,—„авторъ знаетъ, что онъ не можетъ жить иначе, какъ обладая тѣмъ, что подвергнуто, въ данномъ случаѣ, вопросу, изъ-за чего идетъ борьба... И если онъ долженъ довольствоваться лишь словомъ, если онъ не можетъ бороться, съ оружіемъ въ рукахъ, вмѣстѣ съ вами, въ вашихъ рядахъ и мужественною встрѣчею съ опасностью и даже самою смертью, на опаснѣйшемъ мѣстѣ, самымъ дѣломъ засвидѣтельствовать истину своихъ основоположеній, — то виновато въ этомъ исключительно его время, которое отдѣлило призваніе ученаго отъ призванія воина и подготовку къ войнѣ не включило въ планъ подготовки къ ученой профессіи. Однако, онъ чувствуетъ, что, если бы онъ былъ обученъ носить оружіе, то въ мужествѣ онъ не уступилъ бы никому. Ему приходится очень сожалѣть о томъ, что его вѣкъ не даетъ ему возможности, какъ давалъ ее Эхилу или Сервантесу, мужественнымъ дѣломъ подтвердить и усилить свое слово... Во всякомъ случаѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, которыя онъ разсматриваетъ, какъ новую задачу своей жизни, онъ охотнѣе взялся бы за дѣло, чѣмъ за слово. Но за то теперь, когда, къ сожалѣнію, онъ можетъ только говорить, онъ хотѣлъ бы говорить мечами и молніями... Онъ не трусъ и далекъ отъ мысли скрываться, но здѣсь-же, предъ лицомъ всѣхъ, даетъ слово или свободно жить вмѣстѣ съ своимъ отечествомъ, или въ его гибели найти и свою гибель“.

Таково, по Фихте, желательное настроеніе всѣхъ и каждаго предъ лицомъ неизбежно предстоящей войны.

Переходя, затѣмъ, къ причинамъ ея возникновенія и къ условіямъ, для всѣхъ желанной, конечно, побѣды, онъ пишетъ:

„Нужно сознаться и это ясно, какъ день Божій, что нѣмецкая нація, сама и по собственной винѣ, отъ участія въ которой развѣ лишь немногіе остались вполнѣ свободными, навлекла на себя ту печальную судьбу, которая даетъ вамъ теперь въ руки оружіе и, къ несчастію, сама заслужила и приготовила для себя то, что, вѣроятно, будетъ отводить отъ насъ побѣды. Косность, трусость, отсутствіе готовности жертвовать всѣмъ, имуществомъ и даже жизнью, во имя чести, пассивное подчиненіе все большому и большому униженію и позору: вотъ каковъ былъ доселѣ характеръ времени и его политики... Во всемъ виновата та приверженность наша къ земному и землистому, къ праху, которая считаетъ всякій подъемъ духа мечтательною экзальтаціею, просто чѣмъ-то смѣшнымъ. А между тѣмъ, лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ презираетъ смерть, если ничто, ни даже сама смерть, не можетъ сломить или утратить его волю,—лишь въ этомъ случаѣ онъ чего-нибудь стоить. Такъ называемая экзальтація есть единственно цѣнное въ человѣкѣ, единственно истинно-человѣческое. Тривиальность-же есть безволіе, съ которымъ всего чаще соединяется и безмысліе.

„Не таковъ“,—продолжаетъ Фихте,—„не таковъ долженъ быть характеръ воина. Онъ долженъ мочь жертвовать собою: для этого онъ и воспитывается. Ему должны быть присущи: истинный образъ мыслей, чувство чести, возвышеніе къ тому, что лежитъ выше жизни и ея удовольствій. Къ вамъ, воины, не должна смѣть имѣть доступъ мораль, разслабляющая нервы, софистика ложной жалости.... Предъ вами теперь случай показать, чего вы стоите. *Предъ сраженіемъ* и въ виду войны не колебаться, но желать только войны, твердо и разсудительно разсчитавъ и взвѣсивъ всѣ ея послѣдствія. *Во время сраженія*, въ вихрѣ схватокъ, быть твердыми, даже предъ лицомъ смерти думая лишь о побѣдѣ, объ отечествѣ, *вѣчно*. Этотъ случай предстоить только вамъ и, поэтому, вы воистину достойны зависти. Своимъ примѣромъ вы будете дѣйствовать и на другихъ, укрѣпляя нервы и вливая силы въ остальную часть націи, дотолѣ непробудно спавшую и какъ бы мертвую. На васъ смотрятъ

съ надеждою друзья человѣчества и нѣмецкой націи. На васъ утверждаются ихъ сокрушенныя надежды“ 1).

Такъ писалъ Фихте въ своихъ патріотическихъ *Рѣчахъ къ нѣмецкимъ воинамъ*. Если мы освободимъ приведенныя нами изъ этихъ *Рѣчей* извлеченія отъ ихъ ораторской формы, то получимъ рядъ весьма замѣчательныхъ мыслей, а именно:

1) Для человѣка, проникнутаго вѣрою въ міровое значеніе своего отечества, лучше погибнуть, чѣмъ пережить его порабощеніе врагомъ, такъ какъ это значило бы утратить, вмѣстѣ съ свободою своего отечества, и для себя лично свободный доступъ къ тѣмъ благамъ общечеловѣческой духовной культуры, въ наслѣдіе которыми оно вводитъ своихъ сыновъ и согражданъ.

2) Судьба даетъ націямъ въ руки оружіе для самозащиты лишь въ тѣ моменты ихъ историческаго существованія, когда ихъ пренебреженіе высшимъ, идеальнымъ, „вѣчнымъ“, и цѣлкость за земное и низменное достигаетъ размѣровъ, угрожающихъ ихъ дальнѣйшему духовному и культурно-историческому росту.

3) Необходимымъ условіемъ побѣды служить то, чтобы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, желали одного и того-же,—желали побѣдить и *только* побѣдить, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ всѣ силы и стремленія гражданъ объединятся въ направленіи къ одной конечной цѣли.

4) Для надежнѣйшаго обезпеченія политической самостоятельности, каждый гражданинъ долженъ бы умѣть носить оружіе; но такъ какъ, при современныхъ планахъ образованія, этого нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, каждый, въ мѣру своихъ силъ, долженъ содѣйствовать подъему духа въ воинахъ, каковую обязанность, лично самъ за себя, Фихте и думалъ выполнить своими *Рѣчами*.

5) Истинный воинъ долженъ быть силенъ не только вещественнымъ оружіемъ, но и духомъ, настроеніемъ, которое должно корениться въ „вѣчномъ“ и идеальномъ; въ такомъ случаѣ его призваніе и служеніе не только не предосудительно, но напротивъ поистинѣ завидно, такъ какъ, защищая отечество, онъ въ то же время является источникомъ

---

1) *Johann Gottlieb Fichte's sämtliche Werke*. VII B. (Berlin 1846), ss. 505—512, passim.

всѣхъ здоровыхъ возбужденій, направляющихъ стремленія и не-воинствующей части націи къ цѣлямъ высокимъ и идеальнымъ, къ духовно-закономѣрному возрастанію.

Таково существенное содержаніе *Рѣчей* Фихте, въ переложеніи съ „экзальтированнаго“ ораторскаго языка на спокойную прозу. При такомъ пониманіи ихъ, становится совершенно очевиднымъ, что Фихте не стоитъ особнякомъ въ семьѣ философовъ, въ качествѣ оригинала и одиночки, но выражаетъ,—пусть нѣсколько своеобразно,—тѣ самыя мысли, которыя, передаваясь по магистральной общечеловѣческой исторіи изъ далекаго прошлаго, доходятъ и до настоящаго.

Съ этой точки зрѣнія онъ оказывается какъ бы посредствующимъ звеномъ между Кантомъ и Вундтомъ, двумя наиболѣе опредѣленными выразителями философскаго отношенія къ войнѣ въ новѣйшей нѣмецкой философіи.

IV.

Историческая справка: Кантъ и Вундтъ.

Политическое мышленіе Канта простиралось далеко за горизонтъ своей и всякой другой національности, направлялось на общія цѣли челоѣчества, на организацію всеобщаго союза народовъ, при которомъ бы война сдѣлалась уже невозможною и воцарился бы „вѣчный миръ“. Идею „вѣчнаго мира“ онъ разсматриваетъ, какъ величайшую политическую задачу, — именно *задачу*, а не какъ идеаль только,—челоѣчества, такъ какъ, думаетъ онъ, лишь съ ея разрѣшеніемъ, воцарились бы на землѣ правда и справедливость.

Съ этой именно стороны, то-есть какъ автора наиболѣе глубоко и связно продуманнаго проекта всечелоѣческаго „вѣчнаго мира“,—не первовиновника этой идеи, однако, такъ какъ мы находимъ ее и у другихъ филантроповъ раньше Канта,—обыкновенно и привлекаютъ великаго Кёнигбергскаго „мудреца“, когда заходитъ вопросъ о войнѣ и мирѣ. Особенно это замѣчалось въ послѣднія десятилѣтія, въ періодъ форсированной литературной агитаціи въ пользу всеобщаго разоруженія,—со стороны многочисленныхъ современныхъ противниковъ милитаризма или, какъ они

стали называть себя за послѣднее время, со стороны „пацифистовъ“¹⁾.

Однако, уже исторически такое представленіе дѣла, по меньшей мѣрѣ, не точно. Именно здѣсь янусовская двуликость кантовской философіи,—эмпиризмъ и рационализмъ, реализмъ и идеализмъ,—предъ нами выступаетъ съ особенною осязательностію.

Какъ идеалистъ чистѣйшей воды, Кантъ, конечно, тяготѣлъ, всѣми своими помыслами и философскими стремленіями, къ безбранному состоянію „вѣчнаго мира“. Но, какъ мыслитель, который, при всей своей отвлеченности, въ концѣ концовъ, все же не окончательно былъ лишенъ чувства реальной дѣйствительности, особенно когда рѣчь шла о такихъ, по преимуществу жизненныхъ, вопросахъ, какъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, онъ не могъ не признавать суровой и, въ своемъ родѣ, тоже „вѣчной“ настоятельности войны, какъ неотвратимаго факта общечеловѣческой жизни, хотя бы и въ смягченной формѣ. Возвращаясь неоднократно, въ своихъ сочиненіяхъ, къ этому, мучительному для его ума, вопросу, Кантъ высказываетъ о войнѣ, и именно въ ея защиту, рядъ мыслей, полныхъ присущей ему глубины и неумирающаго значенія.

И во-первыхъ—съ точки зрѣнія *историко-прагматической*.

Война,—такова сущность его взглядовъ,—есть естественное (первобытное) состояніе людей, племенъ и народовъ; миръ, всечеловѣческій миръ есть состояніе нравственно-правовое (грядущее). Историческій процессъ направляется въ линіи постепеннаго (прогрессивнаго) перехода отъ перваго состоянія ко второму и притомъ такъ, что ко всеобщему миру Природа, — Судьба, Провидѣніе, Богъ: это зависитъ отъ точки зрѣнія мыслителя, — возводитъ человечество *черезъ войну, какъ одно изъ пригоднѣйшихъ для этой цѣли средствъ*. Въ самомъ дѣлѣ, война или, точнѣе, борьба за существованіе расселяетъ людей по всему земному шару. Но она-же, въ цѣляхъ коллективной самозащиты, и сплачиваетъ ихъ въ болѣе или менѣе обширныя политико-

¹⁾ Весьма обстоятельный анализъ Кантовскаго проекта „вѣчнаго мира“ можно найти, на русскомъ языкѣ, въ брошюрѣ проф. П. В. Тихомирова: „Вѣчный миръ въ философскомъ проектѣ Канта“ (по поводу международной мирной конференціи). 1899, стр. 56.

юридическія группы, причемъ государственная организація является первымъ шагомъ на пути къ утверженію на землѣ законности и права. *Народъ* (политическое общество или государство), *международный союзъ и человечество*: вотъ основные этапы на пути отъ естественнаго состоянія къ нравственно-правовому. Вынуждая народы войною переходить отъ одной организаціи къ другой, Природа употребляетъ сильнѣйшее, но потому самому и дѣйствительнѣйшее средство, такъ какъ имѣетъ тенденцію заставить людей быть добрыми гражданами не по моральнымъ только, но и по естественнымъ мотивамъ,—и прежде всего по чувству самосохраненія. Но, именно вслѣдствіе этого, призракъ войны никогда не суждено, съ точки зрѣнія Канта, оставить человѣчество въ покоѣ. Если первобытный строй держится на *правѣ силы*, то и грядущій, нравственно-правовой строй, во всякомъ случаѣ, не можетъ обойтись безъ апелляціи къ *силѣ права*,—именно къ *силѣ*: вѣдь съ правомъ, чтобы оно не оставалось мертвою буквою, необходимо должна быть соединяема *принудительная власть*. Желательно, конечно, чтобы всѣ народы сознали вредъ и нравственную преступность войны. Но такъ какъ на это надежды нѣтъ, такъ какъ въ человѣческомъ эгоизмѣ навсегда останется неистощимый источникъ посягательства однихъ народовъ на самостоятельность и благополучіе другихъ, то, *по меньшей мѣрѣ, защитительная или оборонительная война навсегда должна быть признана правомѣрною*. И хотя для этой цѣли государствамъ вовсе нѣтъ необходимости нести на себѣ, часто совсѣмъ непосильное, бремя постоянныхъ войскъ, однако совершенно необходимо, чтобы, въ случаѣ надобности, каждый, способный носить оружіе, былъ способенъ защищать себя и свою политическую самостоятельность,—чтобы, говоря иначе, было сдѣлано для всѣхъ обязательнымъ военное образованіе и періодическое упражненіе всей, способной носить оружіе, части націи. Такимъ образомъ, по мысли Канта, война,—не какъ цѣль, конечно, но лишь какъ средство, именно, какъ средство водворенія и поддержанія мира между народами,—есть явленіе въ исторіи человѣчества неизбѣжное, какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ. Разница между первобытно-естественнымъ и грядущимъ нравственно-правовымъ состояніемъ человѣчества, въ отношеніи къ войнѣ и миру, заключается

лишь въ томъ, что, по мѣрѣ перехода отъ перваго къ послѣднему, фактъ войны, фактъ нѣкогда всеобщій и повсюднѣй, все болѣе и болѣе будетъ переходить лишь во *всеобщую готовность къ ней, въ виду ея постоянной возможности* или, примѣняя къ выраженію мыслей Канта современную естественно-научную терминологію,—изъ актуальнаго состоянія война все болѣе и болѣе будетъ переходить въ состояніе потенциальное.

Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, съ точки зрѣнія *нравственно-психологической*, война, по Канту, не только при нравственно-правовомъ, но и при естественномъ строѣ, служитъ факторомъ облагораживающимъ и возвышающимъ. Мысли Канта по этому вопросу столь своеобразны и такъ расходятся съ обычнымъ представленіемъ о его отношеніи къ вопросу о войнѣ и мирѣ, что, не смотря на тяжеловѣсность формы ихъ изложенія у самаго Канта, мы позволимъ себѣ привести здѣсь наиболѣе характерныя извлеченія изъ двухъ различныхъ его сочиненій въ его собственныхъ словахъ.

„Сама по себѣ (то-есть независимо отъ историко-прагматической точки зрѣнія, о чемъ была рѣчь выше) война,—пишетъ Кантъ,—не нуждается ни въ какихъ особенныхъ движущихъ мотивахъ, но, кажется, вѣдрена въ человѣческую природу (*gerührt*—вбита какъ пробка въ бутылку и, какъ пробка-же изъ бутылки, вырывается наружу) и именно — какъ нѣчто благородное, къ чему человѣкъ воодушевляется по чувству чести, помимо всякихъ своекорыстныхъ соображеній, такъ что *военное мужество* (у дикарей американскихъ точно такъ же, какъ и у европейскихъ, во времена рыцарства) признается имѣющимъ великую непосредственную цѣнность не только въ томъ случаѣ, когда война уже началась, но и въ томъ обстоятельстве, что она начинается. И начинаютъ войну часто просто для того, чтобы доказать свое мужество. Слѣдовательно, войнѣ *самой по себѣ* усвоится внутреннее достоинство, такъ что даже философы слагаютъ въ честь ея, какъ облагораживающаго человѣчество средства, хвалебныя гимны, забывая объ изреченіи того грека, который сказалъ: „война не хороша тѣмъ, что создаетъ дурныхъ людей больше, чѣмъ истребляетъ“¹⁾.

¹⁾ *Immanuel Kant's sämtliche Werke*, herausgegeben von Hartenstein. Leipzig, 1868. Bd. VI, S. 431—432.

Такъ смотрять на войну въ естественномъ („дикомъ“) состоянїи и, что смотрять именно такъ, это необходимо Природѣ (Судьбѣ или Провидѣнїю) „для ея собственныхъ цѣлей“ (каковы эти цѣли мы уже знаемъ). Но и у культурно-образованнаго человѣка (на его точкѣ зрѣнїя стоитъ и самъ философъ) отношенїе къ предмету остается, въ сущности, тѣмъ же.

„И человѣкъ самаго тонкаго образованїя (im allersittetsten Zustande)“,—какъ бы продолжаетъ Кантъ свою, только что приведенную нами, мысль въ другомъ своемъ сочиненїи,— „сохраняетъ высокое уваженїе къ воину (какъ человѣку безстрашному, смѣло идущему навстрѣчу опасности), предъ которымъ, въ чувствѣ величайшаго удивленїя, склоняется дикарь. Только, въ развитомъ состоянїи, отъ война требуется еще, чтобы онъ обладалъ и мирными доблестями: кротостью, состраданїемъ, вниманїемъ къ самому себѣ и даже соотвѣтственною заботливостїю о собственной личности, такъ какъ именно въ этомъ и познается несвязанность его духа опасностїю. Пусть, поэтому, спорять о сравнительныхъ правахъ государственнаго человѣка и военачальника на почетъ и уваженїе; но эстетическая точка зрѣнїя рѣшаетъ въ пользу послѣдняго. Даже самая война, если она ведется въ порядкѣ и съ уваженїемъ гражданскихъ правъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто возвышенное и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ образъ мыслей того народа, который ведетъ войну именно такимъ образомъ, тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ бѣльшимъ опасностямъ онъ подвергается и чѣмъ больше мужества при этомъ проявляетъ. Напротивъ, продолжительный миръ, давая преобладанїе духу промышленно-торговому, а вмѣстѣ съ нимъ своекорыстїю, робости, трусости и уступчивости, обыкновенно принижаетъ образъ мыслей народа“ ¹⁾.

Такъ пишетъ Кантъ и ясно, что особенно въ послѣднихъ строкахъ, самыхъ характерныхъ, выражается мысль, которая, въ цѣляхъ оправданїя войны—особенно въ устахъ Канта, убѣжденнаго сторонника идеи „вѣчнаго мира“—вѣситъ несравненно болѣе, чѣмъ поверхностныя и искусственно-подогрѣтыя lamentаціи современныхъ „пацифистовъ“ противъ нея.

Существеннымъ дополненїемъ только что изложенныхъ

¹⁾ Ibid., Bd. V, S. 270—271

нами взглядовъ Канта служатъ, какъ я сказала, соображенія Вундта. Какъ сейчасъ увидимъ, въ сущности, они лежатъ въ той же линіи. Однако, между тѣми и другими все же остаются, хотя и очень тонкія, но въ то же время и очень характерныя различія.

Подобно Канту, и Вундтъ вполне признаетъ, что, съ теченіемъ времени, въ пониманіи народами войны и мира происходитъ радикальный переворотъ.

Для первобытныхъ и вообще древнихъ временъ, война есть естественное состояніе, а миръ—не что иное, какъ временное отсутствіе войны. Для новыхъ временъ, наоборотъ, миръ есть нормальное состояніе, а война все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значеніе его временнаго перерыва.

Далѣе, въ прежнія эпохи веденіе войны считалось ничѣмъ неограниченнымъ правомъ отдѣльнаго государства, которое могло, по своему произволу, подвергнуть другое государство бѣдствіямъ войны и насилія, не чувствуя себя обязаннымъ давать кому бы то ни было отчетъ въ руководившихъ имъ побужденіяхъ, которыя и само оно часто признавало развѣ лишь очень слабо. Теперь, напротивъ, миръ все болѣе и болѣе превращается въ нормальное правовое состояніе, охраняемое опредѣленными гарантіями,—отчасти скрѣпленное договорами, отчасти же опирающееся на обычай.

Въ прежнія эпохи война была просто соревнованіемъ внѣшней силы. Теперь, по крайней мѣрѣ у большинства культурныхъ націй, война, вслѣдствіе всеобщей воинской повинности, превратилась въ такую борьбу народовъ, въ которой они „кладутъ на чашку вѣсовъ не только всю свою силу, но и весь свой умъ и, прежде всего, свою политическую жизнеспособность, воплощающуюся въ военной доблести“.

Такимъ образомъ, веденіе войны теперь „все болѣе и болѣе начинаетъ принимать характеръ процесса *исторической критики*, въ которомъ такъ называемое случайное военное счастье постепенно утрачиваетъ свое значеніе, а нравственная подготовка захватываетъ почти все“. Съ этой точки зрѣнія,—продолжаетъ свою аргументацію Вундтъ,—можетъ быть проведена аналогія между войною и гражданскимъ процессомъ, который то рѣшаетъ спорное международное правовое толкованіе того или другаго пункта международной конвенціи, то ведетъ къ образованію новаго правового понятія, должен-

ствующаго замѣнить собою старое, сдѣлавшееся болѣе уже непригоднымъ для правоваго объединенія народовъ.

Итакъ, и по Вундту, какъ по Канту, историческій процессъ идетъ прогрессивно въ линіи правоваго умиротворенія народовъ,—не говоря уже о все болѣшемъ и болѣшемъ торжествѣ гуманныхъ правилъ веденія войны. И тѣмъ не менѣе, Вундтъ очень сдержанно, можно сказать прямо-таки скептически, относится къ проекту всеобщаго разоруженія и вѣчнаго мира.

Въ данномъ отношеніи, онъ далеко не такой оптимистъ, какъ Кантъ, которому „вѣчный миръ“ представлялся, во всякомъ случаѣ, реальною историческою *задачею*, тогда какъ Вундтъ смотритъ на него развѣ лишь какъ на неосуществимый *идеаль*,—почти какъ на чистую утопію.

Вотъ его подлинныя слова по этому важному вопросу:

„Идея о вѣчномъ мирѣ, составлявшая въ прошломъ (XVIII) столѣтіи одинъ изъ существенныхъ элементовъ общихъ гуманныхъ стремленій, относится къ войнѣ исключительно со старинной точки зрѣнія, по которой она является голымъ актомъ насилія, основывающимся на абсолютной невмѣняемости автономнаго государства. *По отношенію къ этому взгляду требованіе вѣчнаго мира несомнѣнно справедливо. Войны, которымъ присущъ этотъ характеръ, должны исчезнуть и это непременно случится, если только развитіе нравственной культуры вслѣдствіе неожиданнаго толчка не будетъ отброшено на нѣсколько столѣтій назадъ. Возрастающая прочность междунаго правоваго единенія дѣлаетъ ихъ уже и въ настоящее время все менѣе возможными, усиливая враждебные имъ факторы мирныхъ воздѣйствій и нравственнаго авторитета общественнаго мнѣнія.*

„*Но весьма сомнительно, — продолжаетъ Вундтъ, — чтобы исчезли когда-нибудь войны, возникающія изъ противоположности непримиримыхъ юридическихъ взглядовъ или изъ неразрѣшимаго столкновенія политическихъ интересовъ, требующихъ для своего улаженія новыхъ правовыхъ нормъ. Разумѣется, и здѣсь могутъ быть разрѣшены мирнымъ путемъ нѣкоторыя разногласія при помощи тѣхъ же средствъ, которыя задерживаютъ насильственныя войны. Но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ эти мѣры окажутся неэффективными, война будетъ неизбежна до тѣхъ поръ, пока не будетъ учреждено достаточно*

могущественное всемірное судилище, что, однако, мало вѣроятно, такъ какъ противорѣчило бы автономіи отдѣльныхъ государствъ, образующей основу международного праваго единенія“¹⁾.

Таковъ, въ существенномъ, взглядъ Вундта.

Я сказалъ выше, что Фихте старшій стоитъ, въ своемъ отношеніи къ войнѣ, какъ бы между Кантомъ и Вундтомъ. И это дѣйствительно такъ. Сопоставленіе формулъ, выражающихъ сущность ихъ взглядовъ, убѣдитъ насъ въ этомъ.

У Канта, прежде всего, нравственная вѣра въ грядущій „вѣчный миръ“, какъ окончательное торжество началъ гуманности, и лишь примиреніе—историко-телеологическое и эстетическое—съ войною, какъ неизбежнымъ зломъ, ведущимъ человѣчество къ добру (къ миру).

У Фихте уже нравственное оправданіе войны, какъ великаго воспитательнаго средства для племенъ, народовъ и всего человѣчества, при чемъ идея „вѣчнаго мира“ сама собою отступаетъ у него на второй планъ, почти въ область вѣчныхъ утопій.

У Вундта трансцендентное оправданіе войны, какъ данной въ человѣческой природѣ (психологическое оправданіе), во-первыхъ, и въ правовой организаціи государствъ (въ ихъ автономіи), во-вторыхъ.

Такимъ образомъ, эстетическое примиреніе съ войною Канта усиленное и какъ бы возведенное въ высшую потенцію нравственнымъ паѳосомъ, въ отношеніи къ ней, со стороны Фихте старшаго, достигаетъ, наконецъ, точнаго вывода изъ твердо установленныхъ фактовъ у трезваго и методичнаго Вундта.

V.

Историческая справка: Вл. С. Соловьевъ и Брюнетьеръ.

Этимъ обсужденіе вопроса, въ его основныхъ моментахъ, доводится до логически-исчерпывающей полноты.

Въ мою задачу не входитъ внѣшне-полное, исторически-исчерпывающее обзорѣніе вопроса. Но, чтобы не показалось, будто опыты философскаго оправданія войны исходятъ лишь

¹⁾ Вильгельмъ Вундтъ. *Этика*. Часть 3-я, стр. 245 (по переводу „Русскаго Богатства“, Спб. 1887 г.).

изъ „юнкерской“ Германіи, напомнимъ еще имена двухъ блестящихъ апологетовъ войны изъ сосѣднихъ странъ: покойнаго Вл. С. Соловьева у насъ и—извѣстнаго Брюнетьера во Франціи.

Взгляды Соловьева (въ *Оправданіи Добра и Трехъ Разговорахъ*), направленные, главнымъ образомъ, противъ толстоизма, достаточно извѣстны у насъ даже и внѣ сферъ, имѣющихъ интересъ къ философіи, и было бы, пожалуй, излишне на нихъ здѣсь останавливаться. Что же касается Брюнетьера, то его сужденіямъ по занимающему насъ вопросу, направленнымъ противъ сантиментальныхъ интернаціоналистовъ и индивидуалистовъ, — этихъ „враговъ національной души“,—мы должны въ заключеніе нашихъ историческихъ справокъ, удѣлить должное вниманіе, хотя бы лишь въ самомъ общемъ ихъ изложеніи ¹⁾.

Тономъ дальновидной и предусмотрительной осторожности звучатъ среди недавнихъ увлеченій антимилитаризмомъ трезвыя рѣчи Брюнетьера „о военной традиціи“. Брюнетьеръ не защитникъ войны во что бы то ни стало, но еще меньше—ея слѣпой врагъ. Безъ войны человѣчеству обойтись нельзя: вотъ ея право. Человѣчество должно, конечно, стремиться къ облеченію ея ужасовъ, но не можетъ забывать, что, въ концѣ концовъ, это не только неизбѣжный спутникъ его земного существованія, но и средство воспитанія военныхъ доблестей и одно изъ могущественнѣйшихъ орудій культуры.

Старые интернаціоналисты, сантиментальные поборники гуманности, наслѣдники соціальной философіи m-me Жоржъ-Зандъ и фразеологіи Ламартина (это первый врагъ „національной души“) хотѣли бы объединить всѣхъ,—Англичанина и Француза, Славянина и Германца, Испанца и Американца, Негра и Китайца,—въ одномъ универсальномъ союзѣ „братевъ“. Брюнетьеръ отдаетъ должное благородству этихъ взглядовъ, но полагаетъ, что проповѣдники сантиментальнаго гуманизма все-таки ошибались.

---

¹⁾ Взгляды Брюнетьера всего яснѣе изложены въ его статьѣ-рефератѣ, прочитанномъ 15-го марта 1899 года въ Лиллѣ (*Les ennemis de l'ame française*, см. *La Reforme sociale*, avril 1899) и вызвавшемъ, какъ сообщалось тогда, большое возбужденіе въ громадной и разносоставной аудиторіи.

„Я думаю“,—говорить онъ,—„что они, интернаціоналисты указанной школы, ошибаются. Я не раздѣляю мнѣнія противоположной школы, по которому будто бы, „война божественна“; но, съ другой стороны, я отнюдь не думаю, будто бы миръ есть первое изъ благъ. Нѣтъ, я этого не думаю. Не думали этого и великіе философы, хотя они вовсе не были ни жестоки, ни воинственны, а одинъ изъ нихъ,—Кантъ, Иммануиль Кантъ, самый мирный изъ людей,—даже не устращивая написать, какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ, что „на каждой ступени цивилизаціи, которой достигалъ человѣческій родъ, война являлась неизбѣжнымъ средствомъ, чтобы поднять его выше“. Друзья мира хотятъ видѣть въ войнѣ лишь средство порабоженія массъ,—не говоря уже о тѣхъ бѣдствіяхъ, причиной которыхъ война является. Кантъ, напротивъ, видѣлъ въ ней условіе ихъ возрастающей независимости и свободы. Кто же, спрощу я теперь, оказался правъ послѣ войнъ Французской Революціи и Первой Имперіи: Кантъ или его противники?.. Слѣдовало бы, сверхъ того, рассмотреть, не служить ли война или, по крайней мѣрѣ, военная гроза, всегда готовая разразиться,—не служить ли она условіемъ нѣкоторыхъ доблестей. Что это такъ, это легко можно было бы доказать отъ противнаго,—напримѣръ, указаніемъ на Китай, эту мирную демократію и іерархію мандариновъ, въ которой страхъ войны и презрѣніе къ „милитаризму“, въ концѣ концовъ, привели лишь къ застою и испорченности“.

Одною промышленностью или торговлей, даже одними мирными искусствами и науками нація жить не можетъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что во Французскомъ народѣ еще не замерла воинственная традиція, Брюнетьеръ видитъ одинъ изъ признаковъ жизнеспособности самой націи.

„Пусть“,—продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе,—„пусть, если угодно, друзья мира о томъ сожалѣютъ; пусть изливаются въ патетическихъ и пошлыхъ сѣтованіяхъ: ни ихъ элегіи, ни ихъ идилліи не измѣнятъ того порядка, въ силу котораго во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ нація образовывалась около національной арміи и посредствомъ ея. Это, какъ извѣстно, вѣрно относительно современной Италіи и императорской Германіи; но это не менѣе справедливо и относительно республикъ, и если бы мы были внимательны, то въ

числѣ уроковъ, которые даютъ новѣйшія событія Америки, мы могли бы извлечь и этотъ. Насколько же справедливѣе все это относительно Франціи?.. „И вотъ почему,—продолжаетъ Брюнетьеръ,—мы стоимъ за свою военную традицію: мы знаемъ, что она, въ нѣкоторомъ смыслѣ, адекватна образованію самого французскаго отечества. И вотъ почему, далѣе, я не боюсь назвать нашу армію „связью нашего національнаго единства“. Вотъ почему, наконецъ, даже и мы, люди кабинетные, чуждые воинственнаго духа, всякій разъ, какъ нападаютъ на армію, чувствуемъ, какъ все наше существо преисполняется протестомъ и возмущеніемъ“..

Сверхъ всего этого, какъ сказано уже выше, война, по Брюнетьеру, есть могучее средство для воспитанія національнаго характера и одно изъ орудій культуры.

Брюнетьеръ напоминаетъ, что военный,—не простой чиновникъ. Отъ него требуются извѣстныя доблести: храбрость, великодушіе, самоотверженіе. Скромное жалованье военныхъ не можетъ вознаградить ихъ за героизмъ, неразрывный уже съ самымъ избраніемъ военной службы. Поэтому-то къ военнымъ — за немногими исключеніями—общество относится съ справедливымъ уваженіемъ.

Не слѣдуетъ, наконецъ, по Брюнетьеру терять изъ виду и того, что война оказываетъ могущественное вліяніе на благосостояніе обществъ. Прежде говорили: *si vis pacem, para bellum*. Въ настоящее же время можно сказать сильнѣе и больше: армія есть не только гарантія безопасности націи, но и главное условіе матеріальнаго благосостоянія государствъ. Это съ непререкаемою очевидностью доказываетъ новѣйшая исторія Англии и Германіи.

Таковъ, въ существенныхъ чертахъ, взглядъ Брюнетьера. Какъ видимъ, онъ далеко не столь принципиаленъ, какъ разсмотрѣнные нами выше взгляды нѣмецкихъ идеалистовъ. Но въ общемъ хорѣ защитниковъ войны, безъ сомнѣнія, и этотъ голосъ, какъ и голосъ нашего покойнаго философа Вл. С. Соловьева, имѣетъ свое значеніе,—особенно въ деталяхъ.

Алексѣй Введенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).